ИСТОРИЯ

В. Т. Юнгблюд, А. А. Костин

СТРАТЕГИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ЮГОСЛАВСКАЯ ПОЛИТИКА США В 1946–1947 гг.

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт № П656 от 10.08.2009)

Исследуется процесс информационного давления Соединенных Штатов на новый югославский режим, характеризуется деятельность американской разведки в Югославии и анализируется роль пропаганды в отношениях между Вашингтоном и Белградом. Авторы показывают послевоенную политику США в ФНРЮ в свете принятой в 1948 г. стратегии информационно-психологической войны.

Ключевые слова: США, Югославия, генезис холодной войны, информационно-психологическая война, разведка, пропаганда.

V. Yungblud, A. Kostin

THE STRATEGY OF INFORMATIONAL PSYCHOLOGICAL WAR AND YUGOSLAVIAN USA POLICY IN 1946–1947s

This article examines the process of information pressure from the United States to the new Yugoslav regime, characterizes the activities of American intelligence in Yugoslavia and analyzes the role of propaganda in relations between Washington and Belgrade. The authors show the similarities between the postwar US Policy toward FPRY and adopted in 1948 the strategy of Information and Psychological Warfare.

Keywords: United States, Yugoslavia, the genesis of the Cold War, Information and Psychological Warfare, intelligence, propaganda.

В декабре 1947 г., накануне католического Рождества, Совет национальной безопасности США секретной директивой СНБ–4а определил главным компонентом внешней политики Соединенных Штатов «психологическую войну». Это был первый официальный термин, бюрократический эвфемизм для обозначения пропаганды, разведывательной деятельности и секретных операций [35, с. 94–96].Новая стратегия национальной безопасности была разработана Отделом Государственного департамента по планированию внешней политики и сформулирована в документе ОПП–33 «Факторы,

определяющие меры по обороне Соединённых Штатов в свете советской политики» [40, с. 16].

24 ноября 1948 г. после одобрения ЦРУ и Министерством обороны президент Г. Трумэн утвердил директиву СНБ–20/4, определившую американскую политику по отношению к советскому блоку на последующие семь лет. Её целями были определены уменьшение советской мощи до безопасного уровня, восстановление независимости государств Восточной Европы и принуждение Советского Союза существенно изменить свое поведение на международной арене [45, с. 281–292; 37, с. 26]. Впоследствии такая политика получила наименование информационно-психологической войны [17, с. 74–76].

По мнению Г. Митровича, автора монографии «Подрыв Кремля: американская стратегия разрушения советского блока», уверенность в результативности новой концепции национальной безопасности появилась после разрыва Советского Союза с Югославией в 1948 г. [40, с. 16]. Однако, как показывает специфика американо-югославских отношений 1946–1947 гг., многие элементы стратегии информационно-психологической войны присутствовали в югославской политике США ещё до её принятия и появления известной резолюции Коминформа.

Первые послевоенные годы явились сложным периодом в отношениях Федеративной Народной Республики Югославия с Соединёнными Штатами Америки. В 1946–1947 гг. между двумя государствами, ещё совсем недавно воевавшими плечом к плечу в составе коалиции Объединённых наций, произошёл ряд шпионских скандалов. Югославское правительство приостановило деятельность в стране Информационной службы США. Затем начались процессы по обвинению югославских граждан в шпионаже в пользу Соединённых Штатов [34, с. 747–748; 16, с. 272].

В русско- и англоязычной историографии данный сюжет не получил должного освещения. В недавнем прошлом исследование примеров пропагандистской и разведывательной работы Соединённых Штатов в странах с коммунистическим режимом было затруднено запретностью темы и недоступностью соответствующих архивных фондов. К тому же, в истории американо-югославских отношений историков чаще всего привлекали более выигрышные сюжеты, такие как реакция США на разрыв отношений между Москвой и Белградом и в целом югославский аспект генезиса «холодной войны» [15]. Между тем рассмотрение политики Вашингтона на юго-востоке Европы и в Восточном Средиземноморье в период зарождения блоковой конфронтации невозможно без изучения американского информационно-пропагандистского нажима на Белград, ставшего важным инструментом противодействия становлению «дружественных» Кремлю режимов.

Для сбора разведданных в Югославии американские спецслужбы пользовались прикрытием ЮНРРА (Администрации помощи и восстановления Объединённых наций). Использование американской разведкой аппарата этой организации было настолько явным, что в 1946 г. югославские власти были вынуждены арестовать 10 работников ЮНРРА за разведывательно-подрывную работу в стране [25]. 27 сентября 1946 г. за шпионскую деятельность был арестован сотрудник ЮНРРА в ФНРЮ, американский дорожный инженер-строитель Роберт Бернап. 5 октября посол Ричард Паттерсон обсудил его арест с первым заместителем министра иностранных дел Югославии Владимиром Велебитом [33, с. 965]. По утверждению югославской стороны, Бернап занимался «сбором подробных сведений о дислокации югославской армии и численности её частей». На защиту своего подчинённого встал руководитель миссии ЮНРРА в Югославии Михаил Сергейчик. Он добился личной встречи с

И. Броз Тито. Глава ФНРЮ заявил Сергейчику, что материалов по делу Бернапа хватит на 15 лет тюремного заключения. Югославское правительство представило в миссию ЮНРРА и в американское посольство подробную сводку о незаконной деятельности американского инженера. В результате этого по требованию властей Югославии Бернап был выслан из страны [6].

Во второй половине 1946 г. на югославскую территорию неоднократно проникали американские военные. Так, 15 июля 1946 г. при попытке незаконного пересечения югославской границы был взят под стражу американский подданный Р. Стокел (в архивных материалах Стокел [R. H. Stoeckel] фигурирует и как Стокель), официально являвшийся гражданским сотрудником отдела артиллерийского управления армии США, расположенного в австрийском городе Вельс. Арестованному удалось отправить письмо английскому вице-консулу в Любляне. Стокел утверждал, что путешествовал по Австрии и заблудился. Югославские пограничники арестовали его в тот момент, когда он фотографировал сельский пейзаж. Заблудившийся нарушитель был перевезён в Марибор [9]. Затем Стокела перевели в Цолье, где уже в ноябре 1946 г. после долгих переговоров с югославским правительством его посетил американский консул в Загребе Теодор Гогенталь (в архивных материалах Гогенталь [Theodore J. Hohenthal] фигурирует и как Хохенталь) [2; 13].

Югославские власти обвинили Стокела в незаконном проникновении на территорию ФНРЮ и фотографировании секретных объектов. Но в ходе судебного разбирательства появились смягчающие, с точки зрения Вашингтона, обстоятельства. Стокел оказался бывшим югославским гражданином и участвовал в освобождении Югославии, хотя каким именно образом, не ясно [42]. Американский легион в Кирни (Нью-Джерси) подготовил ходатайство с 2000 подписей, требовавшее освобождения Стокела, которое было направлено в Югославию [43]. Стокела признали виновным, но по просьбе посла в Белграде Паттерсона срок заключения был уменьшен с четырех лет до двух [44]. По этому поводу американский исследователь Д. Ларсон резюмировал: «Доказанный факт шпионажа и возможная подрывная деятельность вкупе с незаконным проникновением поставили Соединенные Штаты в довольно неловкое положение» [39, с. 108].

Можно допустить, что американский гражданин действительно оказался на территории ФНРЮ не по злому умыслу. Однако знакомство с картой Австрии вызывает большие сомнения в случайности происшедшего. Отдел артиллерийского управления американской армии, в котором работал Стокел, находился в городе Вельс, расположенном на северо-западе Австрии приблизительно в 50 км от границы с Германией. Задержали Стокела при попытке пересечь границу на противоположном конце Австрии, на расстоянии примерно 210 км от места его службы. Вследствие крайне напряжённого характера отношений между ФНРЮ и западными союзниками летом 1946 г. возникает вопрос, почему Стокел выбрал для отдыха именно австро-югославскую границу, а не более безопасные и живописные места Австрии.

Ситуация с раскрытием американской разведывательной деятельности в Югославии не была однозначной. 12 сентября 1946 г. сотрудники ОЗНА (Органы защиты народа) арестовали лидера Югославской радикальной партии Милоша Трифуновича, в 1943 г. занимавшего пост премьер-министра югославского эмигрантского правительства. Говоря о причинах ареста, глава президиума Учредительной скупщины Иван Рибар заявил: «Мы имеем бесспорные доказательства, что он был в контакте с американцами». Посол Паттерсон указал в сообщении госсекретарю, что югославская сторона считает контакты с США изменой: «Ввиду того, как югославское правительство относится в последнее время к посольству и к США в

целом, мы прекратили все контакты с нашими информаторами для их собственной безопасности. Теперь мы фактически ограничены пристрастными источниками информации о событиях внутри страны». Посол говорил о находящихся под наблюдением ОЗНА лидере Сербской демократической партии Милане Гроле и лидере Народно-крестьянской партии Драголюбе Йовановиче. «Очевидно, — продолжал Паттерсон, — югославское правительство стремится секретными методами пресечь какие-либо контакты оппозиции с американцами и таким образом лишить её последних надежд на то, что Америка сможет помочь югославам восстановить их свободы» [33, с. 962–963].

О том, что посольство США в Белграде координировало пропаганду и сбор данных в ФНРЮ, сообщалось в Бюллетене бюро информации ЦК ВКП(б) «Вопросы внешней политики». В № 22(69) от 15 ноября 1947 г. утверждалось, что американской разведкой в Югославии в 1945–1946 г. руководили советник посольства Гарольд Шанц* и помощник экономического атташе Эрик Придонов. (В архивных материалах Придонов [Eric L. Pridonoff] фигурирует и как Придонф). Факты шпионажа были выявлены в октябре 1946 г., когда югославские власти раскрыли возглавляемую переводчиком посольства Милютином Стефановичем шпионскую сеть, собравшую для американцев обширную секретную информацию о югославских вооружённых силах, секретных военных приказах и шифрах [24]. Сотрудникам американского посольства — экономическому аналитику Э. Придонову, советнику Г. Шанцу и помощнику военно-морского и воздушного атташе лейтенанту Дж. Касуничу вменялось в вину получение от подсудимых секретной информации [34, с. 744–746]. Три американских дипломата были объявлены персонами нон грата и выехали из ФНРЮ.

31 декабря 1946 г. — 4 января 1947 г. в Белграде состоялся процесс по обвинению югославских граждан в разведывательной деятельности в пользу США. Восемь человек предстали перед Сербским верховным судом за сбор секретной информации для служащих американского посольства. Три человека были приговорены к смертной казни, остальные — получили различные сроки тюремного заключения**. После суда над югославскими гражданами, обслуживавшими посольство США, был арестован американский гражданин Иван Пинтар, проживавший с 1933 г. в Югославии. Он был обвинен в поддержке подрывных элементов и в том, что обещал им обеспечить помощь со стороны консульства США в Загребе. 21 января Пинтар был приговорен к расстрелу [34, с. 751].

Процессы над «американскими шпионами» в ФНРЮ приобрели характер политической кампании. Директор европейского управления госдепартамента Х. Фримэн Мэттьюс в меморандуме на имя заместителя госсекретаря Дина Ачесона 24 января 1947 г. указал, что действия югославских властей имеют целью подорвать престиж посольства США в Югославии [34, с. 751–752; 22, с. 7 8–79]. Но, несмотря на активное противодействие Белграда, деятельность американских дипломатов в ФНРЮ продолжалась. После отзыва Шанца, Придонова и Касунича американской разведкой в Югославии стали руководить военный атташе полковник Р. Партридж и военно-морской атташе капитан 1-го ранга Е. Изелин [24].

В чём состояла причина столь пристрастного отношения югославского правительства к посольству США? Если вынести за скобки обвинения в шпионаже, которые теперь, по прошествии столь длительного времени, крайне сложно доказать или опровергнуть, очевидно, что существенную роль в возникновении конфликта между Белградом и американским посольством сыграла пропагандистская деятельность последнего. Бюро информации ЦК ВКП(б) в ноябре 1947 г. располагало данными, что американская разведка в ФНРЮ широко использова-

ла различные культурные организации, в числе которых была «американская библиотека-читальня в Белграде, которая за проведение враждебной пропаганды и шпионской работы в сентябре 1946 года была закрыта югославскими властями» [25].

Сбор разведывательной информации был неразрывно связан с распространением в ФНРЮ информационных материалов, направленных на подрыв позиций нового режима. Югославская сторона обвинила американское посольство в ведении антиюгославской пропаганды ещё в конце августа 1946 г. (29 числа директор Отдела прессы югославского МИД Эрик Кос позвонил пресс-атташе посольства США Уильяму Бризу***). Последний возглавлял югославское бюро американской информационной службы ЮСИС и руководил читальным залом посольства. Кос объяснил, что МИД не имеет никаких возражений против распространения информационной службой материалов по науке, культуре и т. д., но протестует против выпуска пропагандистских статей, критикующих Югославию.

В первую очередь, представитель официального Белграда говорил о публикации материалов сокрытой от югославских читателей нотной переписки по делу о сбитых в воздушном пространстве ФНРЮ американских самолётах. Имелся в виду факт атаки югославскими истребителями двух военно-транспортных самолетов США, курсировавших между Италией и Австрией и оказавшихся над территорией Югославии. Эти инциденты произошли 9 и 19 августа. Один самолёт был сбит, весь экипаж погиб. Другой самолёт был поврежден и принудительно посажен, экипаж и находившиеся на борту пассажиры были арестованы.

В ходе полемики с Косом Бриз спросил, почему американские ноты считаются пропагандой, а югославские — нет. Директор Отдела прессы МИД ФНРЮ отказался от обсуждения этого вопроса [33, с. 961]. Вместо этого Кос официально обратил внимание американского пресс-атташе на факты грубого нарушения югославских законов. Бриз не стал отрицать эти факты. Он согласился с требованием издавать бюллетень в строго ограниченном количестве экземпляров и не допускать опубликования в нём материалов, содержащих выпады против Югославии и направленных против её интересов.

Однако посольство не прекратило пропагандистское давление на югославский режим. Вскоре в бюллетене информационного бюро были опубликованы статьи чиновника посольства Придонова, содержащие клеветнические, по мнению югославов, выпады против ФНРЮ. В ответ 4 сентября в газете «Борба» появилась большая редакционная статья о деятельности американской читальни. Главный печатный орган Югославии сообщал, что антиюгославская кампания велась с помощью информационного бюллетеня, выпускаемого читальней. Он раздавался бесплатно, прямо на улицах, а также рассылался определённому кругу лиц. Редакция газеты предупреждала, что действия посольства нарушают параграф 7 ст. 11 Закона о печати, запрещающий распространение лживых и сеющих панику сообщений, и параграф 4 этой же статьи закона, запрещающий продажу и распространение изданий, содержащих клеветнические и оскорбительные материалы в отношении дружественных Югославии стран.

«Борба» знакомила своих читателей и с другими направлениями работы американского посольства в Белграде. Статья повествовала о распространении в ФНРЮ журналов, газет, брошюр и других печатных материалов на языках народов Югославии, на выпуск которых югославские власти вообще не давали разрешения, что нарушало ст. 15 Закона о печати. В читальном зале посольства устраивались общественные лекции и просмотр кинофильмов, запрещённых в ФНРЮ. В итоге газета заключала: «Из всего этого ясно, что американская читальня стала центром враждебной пропаганды» [10]. Резкий тон статьи был, с одной

стороны, продиктован желанием пресечь американскую пропагандистскую деятельность. С другой стороны, он был вызван недружественной позицией Вашингтона, проявившейся в связи с обострившейся триестской проблемой и во время инцидентов с американскими самолётами.

24 сентября МИД ФНРЮ заявил о немедленном прекращении деятельности ЮСИС и читального зала посольства. Американская сторона официально прекратила работу информационной службы только в полдень 26 числа [4; 8; 33, с. 959–960]. В тот день посол Паттерсон в сообщении госсекретарю объяснил, что «закрытие ЮСИС может быть понято только в свете внутренней политической ситуации» в Югославии. По мнению посла, новый югославский режим исходил из того, что держать население страны вне контактов с западными демократиями важнее, чем строить хорошие отношения с США.

Посол назвал несколько причин происшедшего. Во-первых, — публикацию информационной службой копий статей из американских периодических изданий. Паттерсон напомнил госсекретарю, что ещё 6 июня поверенный в делах США в ФНРЮ Г. Шанц предсказал закрытие ЮСИС [33, с. 897]. Читальный зал знакомил посетителей с материалами «Нью-Йорк Таймс», «Балтимор Сан» и других газет, которые печатали статьи, воспринимаемые правительством Тито как антиюгославская пропаганда. Посол утверждал, что ЮСИС не могла предотвратить копирования и распространения выдержек из этих статей, так как в ряде случаев читатели перепечатывали материалы вне пределов посольства по собственной инициативе.

Во-вторых, — разглашение нотной переписки между Вашингтоном и Белградом. Газета «Нью-Йорк Таймс», по словам Паттерсона, попала в точку, заявив, что главной причиной закрытия ЮСИС стала публикация в ежедневном бюллетене американской ультимативной ноты от 21 августа 1946 г. В ней Соединённые Штаты выразили протест против уничтожения югославскими ВВС двух американских самолетов, требовали освобождения задержанных лётчиков в течение сорока восьми часов и предупреждали югославскую сторону, что в противном случае поднимут в Совете Безопасности ООН вопрос о применении санкций против ФНРЮ. В заявлении госдепартамента происшедшее трактовалось как нарушение принципов международного права, прав человека и Устава ООН. В дополнение Вашингтон требовал выплатить 350 тысяч долларов семьям погибших лётчиков и компенсацию за потерю самолетов [1; 5; 33, с. 920–930, 933–934, 936–942; 29, с. 364–365; 39, с. 101–102].

В-третьих, — распространение «провокационных» статей Придонова. Посол уточнил, что они стали обыкновенным оправдательным предлогом, давно ожидаемым югославским правительством, и их осуждение является лишь частью кампании против посольства, начатой с момента его учреждения. «Всех югославов, которые не поддерживают режим, — сообщал Паттерсон, — считают “врагами народа”, и уже само существование посольства, представляющего самую большую в мире демократию, раздражает коммунистических правителей, которые знают, что значительные массы людей настроены против их режима». Посол предрёк, что кампания против посольства продолжится, если не отказаться от всех контактов с людьми, оппозиционными режиму, и не прекратить распространение печатных материалов, критикующих его [33, с. 960–961].

27 сентября 1946 г. исполняющий обязанности госсекретаря У. Клейтон сообщил прессе о приостановлении по требованию югославской стороны деятельности Информационной службы Соединенных Штатов в ФНРЮ, назвав причиной акции правительства Тито его антидемократический характер [33, с. 961; 22, с. 78]. В тот же день газета «Нью-Йорк Таймс» сделала очередной

выпад в адрес югославского маршала, заявив, что режим Тито не имеет поддержки населения. Закрытие ЮСИС было оценено как доказательство отсутствия в Югославии каких-либо демократических свобод [7].

Паттерсон дал свою оценку характера американо-югославских отношений: «Продолжающиеся враждебные и агрессивные действия югославского правительства по отношению к Америке (особенно огонь по нашим самолетам, закрытие ЮСИС и обвинения штата нашего посольства в шпионаже), кампания югославской прессы против США, Великобритании, Греции и Италии вместе с концентрацией войск в Словении, Македонии и Албании, по меньшей мере, свидетельствуют о существовании угрозы агрессивных военных действий против Триеста или Салоник, или обоих сразу, а совместно с Советской Армией косвенно или даже напрямую против западных держав». В конце своего послания в Вашингтон 1 октября посол резюмировал: «Мы считаем, что всё это представляет намного более серьезную угрозу миру во всем мире, чем ситуация в Испании или Греции. Необходимо поднять вопрос о передаче дела в Совет Безопасности ООН» [33, с. 963].

Оценка происходящего, представленная главой американского посольства, отчётливо передавала всю сложность ситуации, но не учитывала специфики режима Тито, его амбиций и силы националистических чувств, особого статуса ФНРЮ в формировавшемся советском блоке. Паттерсон смотрел на происходящее глазами пропагандиста, а не дипломата-профессионала. До своего назначения на пост посла в Югославии в сентябре 1944 г. он работал политическим обозревателем в Национальной радиовещательной корпорации (Эн-Би-Си) и в дипломатии был новичком [31, с. 149]. Корреспондент «Тайм» Стоян Прибичевич сообщил в журнал о новом после: «Он очаровал меня своим заявлением, что ничего не знает о Югославии». По мнению специалиста по внешнеполитическому истеблишменту США М. Уэйла, Паттерсон, обладавший большим опытом пропагандистской работы, оказался подходящей кандидатурой на пост американского представителя в Белграде лишь для противодействия русскому влиянию на Адриатике [47, с. 194].

Между тем переговоры продолжились. 2 октября исполняющий обязанности госсекретаря Дин Ачесон направил ноту лично Тито как исполняющему обязанности министра иностранных дел ФНРЮ. От лица своего правительства Ачесон просил разрешить возобновление деятельности ЮСИС, заверив югославскую сторону, что меры, необходимые для искоренения причин, вызвавших закрытие службы, приняты. И.о. государственного секретаря подчеркнул вклад информационной службы в поддержание мира и безопасности, отметил большое значение обмена информацией в области науки и культуры для развития взаимопонимания между югославским и американским народами.

Взгляд американской администрации на возникновение проблемы Ачесон сформулировал следующим образом: «Правительство США пришло к заключению, что суть дела не в инциденте из-за действий Эрика Придонова. Нашему правительству ясно, что в данном случае существует более серьёзный вопрос, а именно: не хотят ли власти ФНРЮ отказать югославскому населению в фундаментальной демократической свободе доступа к информации и в праве знакомства с образом жизни других народов?» [33, с. 964]. Таким образом, в случае отказа в возобновлении работы ЮСИС, Тито давал Вашингтону очередной повод оповестить мир о нарушении в ФНРЮ основополагающих свобод и прав человека.

5 октября состоялась беседа Паттерсона с Тито. Ознакомившись с заявлением Ачесона, югославский руководитель ответил, что причиной закрытия информационной службы стали не только статьи Придонова, но «вся работа ЮСИС», которая была направлена против югославского правительства и

народа, а также нарушала югославские законы. Если бы этого не было, американский читальный зал продолжил бы свою работу, как продолжают работать читальные залы других стран, в том числе британский и французский.

Тито выразил сожаление, что и маленькие, и большие инциденты между посольством и югославскими властями всегда подаются американской прессой в форме антиюгославской кампании, и добавил, что важнее предотвращать инциденты, чем разжигать их в средствах массовой информации. Он подчеркнул, что американские газеты умалчивают о реальных причинах конфликтов, всегда выставляя США в выгодном свете [33, с. 965].

Для открытия читальной комнаты и возобновления функционирования ЮСИС, югославская сторона потребовала от американцев соблюдения следующих условий: 1) американская информационная служба и читальная комната должны давать информацию только о жизни и культурном развитии народа Соединённых Штатов; 2) американская информационная служба не должна помещать в своих ежедневных бюллетенях ничего, что противоречило бы интересам народов Югославии и существующим законам о печати; 3) американская информационная служба должна присылать свои бюллетени членам правительства Югославии и ТАНЮГ (Телеграфному агентству Новой Югославии). После трёхмесячных переговоров Государственный департамент США уступил этим требованиям. 16 декабря 1946 г. читальный зал американского посольства вновь был открыт [3; 14].

Деятельность американского посольства в Белграде выходила за рамки дипломатической работы. Осуществляемые и координируемые сотрудниками посольства пропаганда и шпионаж явились своего рода апробацией будущей стратегии информационно-психологической войны, принятой в 1948 г. Аналитические отчёты Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) показывают, что становление новой концепции внешней политики Соединённых Штатов происходило в предшествующие два года. Летом 1946 г. сектор балканских и славянских стран ОВП подготовил три справки, раскрывающие американские методы ведения пропаганды в других странах, — «Некоторые факты об американском правительственном информационном аппарате» от 13.07.1946 г., «Как проводится информационно-пропагандистская работа в США и органы, занимающиеся этой работой» от 14.07.1946 г. и «К вопросу о постановке информационной службы в США» от 09.08.1946 г. [26]. Согласно этим материалам пропагандистской работой занималось Бюро международной информации и культурных связей. Основными каналами влияния на население других стран были: трансляция на коротких волнах радиопередач на национальных языках; издание газет на национальных языках; передача по телеграфу ежедневного бюллетеня; почтовая рассылка материалов; демонстрация документальных фильмов; распространение книг; проведение фотовыставок; обмен студентами, профессорами и известными лицами; деятельность атташе по культурным связям; выпуск бюллетеней при посольствах; создание информационно-справочных библиотек при посольствах.

После войны как минимум половина вышеперечисленных средств пропаганды была задействована Вашингтоном в Югославии. Среди них было и радиовещание на ФНРЮ, в основном через официальную международную радиовещательную станцию «Голос Америки», являвшуюся одним из основных инструментов внешнеполитической пропаганды Вашингтона. Радиостанция была основана ещё 24 февраля 1942 г. для борьбы с гитлеровской пропагандой и создания благоприятного образа США. Хотя упоминаний о трансляции «Голоса Америки» на Югославию в 1946–1947 гг. в доступных российских архивных материалах нет, а первые передачи радиостанции на русском языке начались лишь

17 февраля 1947 г., это не исключает вещания радиостанции на ФНРЮ ещё в 1946 г. После завершения Второй мировой войны «Голос Америки» передавал 3200 программ на 40 языках каждую неделю [28, с. 152–153].

Пропагандистская деятельность США в ФНРЮ началась ещё в годы войны на оккупированной территории и носила антинацистский характер. После освобождения страны направленность пропагандистской работы изменилась. Поводов для этого было немало: пятимесячная задержка признания Вашингтоном легитимности новой югославской государственности из-за нежелания Белграда подтвердить международные обязательства предыдущих правительств; игнорирование показаний американских свидетелей на суде по делу Дражи Михайловича и казнь четнического генерала; неоднократные нарушения военными самолётами США воздушного пространства ФНРЮ; отказ руководства Соединённых Штатов выполнить требования Белграда о выдаче военных преступников и коллаборационистов, скрывавшихся в оккупационных зонах западных держав в Италии, Австрии и Германии; невозвращение американцами уведённых немцами югославских судов на Дунае; спор о принадлежности Триеста и вооружённые столкновения между югославскими и американскими патрулями в Венеции-Джулии [33, с. 867–978; 34, с. 744–857].

Одной из основных причин напряжённости были идеологические расхождения. В своей «Длинной телеграмме» госсекретарю от 22 февраля 1946 г. поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан констатировал, что пропагандистская машина и практическая политика югославского правительства «предоставлены в распоряжение СССР» [33, с. 704; 38, с. 555; 27, с. 41; 19, с. 145; 20, с.465]. Восприятие Белграда американцами во многом базировалось на характере их отношений с Советским Союзом. Поэтому меры, предпринимаемые Вашингтоном для ослабления позиций коммунистического режима в Югославии, в целом напоминали методы противодействия советизации других государств Восточной Европы.

В той же «Длинной телеграмме» Кеннан указывал, что «в связи с недавней территориальной экспансией советская внутренняя система будет … испытывать ряд дополнительных напряжений» [33, с. 707; 38, с. 558; 27, с. 44; 19, с. 147; 20, с. 469]. Югославская политика Вашингтона в 1946 г. становилась частью общей стратегии подрыва советского могущества. При этом аналитики Государственного департамента не могли слепо проецировать на Белград методы, применявшиеся в отношении Москвы, не учитывая югославской специфики.

Во-первых, принималась во внимание молодость утвердившегося в результате войны режима и сохранение в Югославии пусть слабой, но оппозиции. Тито получил власть благодаря войне, стал в первую очередь военным лидером и лишь затем политическим. В 1946 г. некоторые высокопоставленные американцы ещё подвергали сомнению его способность сохранить лидерство в мирное время. Эти сомнения были источником надежд на приход к власти в Югославии политических сил, разделявших ценности западного либерализма.

Правда, в течение осени 1945 — лета 1946 г. оппозиция коммунистам была сильно ослаблена. Народный фронт оказался под контролем КПЮ ещё накануне выборов 11 ноября 1945 г. Наиболее опасные конкуренты Тито были либо уничтожены (как Дража Михайлович), либо приговорены к длительному тюремному заключению (как глава югославских католиков, архиепископ Загреба Алоизий Степинац) [23; 33, с. 966]. Прозападные политические деятели (например, лидеры Хорватской крестьянской парии Иван Шубашич и Юрай Шутей, Сербской демократической партии Милан Грол и Народно-крестьянской партии Драголюб Йованович) были лишены каких-

либо властных постов, выведены с арены политической борьбы и находились под постоянным наблюдением со стороны репрессивной структуры ОЗНА [33, с.963]. «Промывая косточки» югославской оппозиции в журнале «Тридесет дана» («Тридцать дней») в декабре 1945 г., М. Джилас упомянул о жалобах реакции: «Какая это демократия, когда тебе ОЗНА в спину дует [т. е. дышит в затылок. — *А. К.*]» [11]. И всё же американский внешнеполитический истеблишмент не оставлял надежд на ослабление контроля КПЮ над обществом и распространение в Югославии информации о западных демократических ценностях. Оказывая информационное давление на Белград, Вашингтон рассчитывал на либерализацию югославского режима.

Второй особенностью был сложный многонациональный состав югославской федерации, грозящий межэтническими конфликтами. Хотя сильной стороной программных установок КПЮ стал спасительный для югославянских народов интернационализм, Вашингтону приходилось учитывать остроту борьбы между различными национальными течениями в югославской эмиграции; борьбы, сохранявшей свой накал как в годы войны, так и после её окончания.

Третьей особенностью послевоенной Югославии было незначительное (по сравнению с другими странами Восточной и Юго-Восточной Европы) присутствие советских войск. По соглашению, заключённому между Национальным комитетом освобождения Югославии и правительством СССР в сентябре 1944 г., советские войска должны были быть выведены из страны сразу после завершения её освобождения [32, с. 1410; 46, с. 417–424; 18, с. 111–112]. 28 февраля 1946 г. руководитель Отделения здравоохранения югославского Красного Креста и глава делегации югославского Красного Креста в США Роберт Нойбауэр выступил в Калифорнийском клубе «Содружество» в Сан-Франциско. Он уверял американцев: «Русские ушли в течение двух месяцев. В настоящее время русских там столько же, сколько и американцев… Я встречался с многими официальными лицами и обнаружил, что чувства в отношении России такие же, как и в отношении Соединённых Штатов» [12].

Нойбауэр не совсем объективно передал суть дела. Советские войска ушли из Югославии, но вместо них появились многочисленные советники, технические и военные специалисты из СССР. Мнение руководителя Отделения здравоохранения югославского Красного Креста отличалось от позиции американской внешнеполитической элиты, считавшей ФНРЮ сателлитом Советского Союза.

Задача, с которой столкнулась американская пропагандистская служба, была нетривиальной. Режим Тито, безусловно, был превосходной мишенью для всевозможных идеологических разоблачений. В то же время критика режима не должна была быть критикой ФНРЮ в целом. Американской информационной службе следовало распространять среди населения этой балканской страны либеральные идеи, чтобы народы Югославии могли сделать самостоятельный выбор между КПЮ, тесно связанной с Москвой, и западными демократиями, среди которых главенствовали Соединённые Штаты, способные оказать необходимую для восстановления страны финансово-материальную помощь.

Лидер партизанского движения, освободившего страну от оккупации, и поддерживавший его Советский Союз имели огромный авторитет среди населения Югославии. КПЮ проводила радикальные социальные и экономические преобразования и сделала ставку на интернационализм, ставший «ингибитором» разногласий между югославскими народами. Оппозиция включала в себя как сторонников либерально-демократических взглядов, так и приверженцев монархии и сербского или хорватского национализма. Поэтому противопоставление коммунистическому правительству разобщённых и не

имевших необходимой социальной поддержки противников режима Тито имело мало шансов на успех. Поддерживать открыто разрозненные и слабые политические силы в условиях сильной антизападной пропаганды в стране было просто нецелесообразно. Но ничего другого Вашингтону не оставалось. Как и в случае с другими государствами Восточной Европы, оказавшимися под советским контролем, в Югославии американцы оказывали сильное информационное давление на коммунистический режим, собирая разведданные и создавая сеть агентов-информаторов и «своих людей» в армии, в бюрократическом аппарате и в партии.

В 1947 г. Кеннан, к тому времени уже перебравшийся из Москвы в Вашингтон и назначенный на ответственный пост в госдепартаменте, развил свои взгляды, изложенные в «Длинной телеграмме». В июльском номере журнала «Форин Афферз» под псевдонимом «X» он опубликовал статью «Истоки советского поведения». В ней подчёркивалось значение пропаганды западных ценностей и американской мощи. Если «будут успешными наши усилия по созданию у народов мира представления о Соединенных Штатах как о стране, которая знает, чего хочет, которая успешно справляется со своими внутренними проблемами и обязанностями великой державы…, — заявил руководитель Отдела Государственного департамента по планированию внешней политики, — цели русского коммунизма будут казаться бесплодными и бессмысленными, у сторонников Москвы поубавится энтузиазма и надежд, а во внешней политике Кремля прибавится проблем» [48, с. 581; 21, с. 51].

Этим установкам отвечала и послевоенная югославская политика Вашингтона. Цель американской пропаганды в ФНРЮ заключалась в подрыве власти КПЮ, но таким образом, чтобы не вызвать у населения страны неприязнь к США, а, наоборот, продемонстрировать югославским народам духовную твёрдость, финансовую мощь и военную силу Соединённых Штатов. Последнее делалось в расчёте на либерализацию югославского режима. Задача стояла не простая: в условиях партийно-государственного контроля было крайне сложно довести до понимания югославского населения, что критика коммунистического режима не означает плохого отношения Соединённых Штатов к народам ФНРЮ.

Как показали дальнейшие события, достичь этого не удалось. Более того, шпионские скандалы, закрытие библиотеки посольства и прекращение деятельности Информационной службы США привели к обратному результату. Американо-югославские контакты оказались на грани разрыва. Поверенный в делах США в ФНРЮ Дж. Кэбот в донесении госсекретарю 15 февраля 1947 г. констатировал, что югославское правительство добивается прекращения отношений. Тем не менее Кэбот подчеркнул: «Важно не захлопнуть дверь перед лицом Тито и не оскорблять бессмысленно национальные чувства югославов. Я полагаю, наша политика в расчёте на длительную отдачу должна быть направлена на то, чтобы склонить югославское Правительство быть восприимчивым прежде всего к желанию и потребностям людей, а не к советским директивам. Я думаю, что даже внутри существующего правительства есть потенциальные фракции, которые воспримут эту политику, если мы не будем безвозвратно отчуждать их. Я не считаю, что мы можем осуществлять такую политику односторонними уступками; однако большим терпением, вежливостью и твердостью (но не жесткостью) при ведении переговоров мы сможем добиться многого» [34, с. 763–764; 22, с. 79].

Мнение Дж. Кэбота не шло вразрез с установками информационно-психологического давления на Белград. Но было одно существенное отличие. Кэбот выражал надежды на улучшение американо-югославских отношений не в результате потери коммунистами власти в Югославии, а на

основе способности КПЮ отказаться от следования указаниям советского руководства. Поверенный в делах США в ФНРЮ смог увидеть неоднозначность отношений между югославским лидером и Сталиным, обусловленную тем, что коммунисты Югославии пришли к власти во многом самостоятельно, в ходе длительной и самоотверженной борьбы с оккупантами в годы Второй мировой войны; что Тито и его окружение разительно отличались от новых лидеров других стран Восточной Европы, освобождённых от нацизма советскими войсками, и что лидер КПЮ не был простым ставленником Кремля. Всё это впоследствии подтвердила непоколебимость позиций Тито после разрыва со Сталиным.

Однако в 1946–1947 гг. эти обстоятельства не были столь очевидными для Вашингтона. Большинство аналитиков госдепартамента были уверены в том, что просоветские коммунистические лидеры не могут действовать вопреки воле Кремля и при этом сохранить свою жизнь и власть. Восприятие Тито американским руководством Кеннан выразил в октябре 1946 г. Будущий глава Отдела планирования внешней политики сравнил Тито с «охотничьей собакой, которая настолько хорошо обучена команде “к ноге”, что нет никакой нужды в поводке» [41, с. 89]. В результате конфликт Тито со Сталиным в 1948 г. для многих в Вашингтоне стал неожиданностью. Раскол между двумя коммунистическими странами, по утверждению Г. Митровича, вызвал глубокий шок [40, с. 37]; по мнению Дж. Кэмпбелла, на Западе эта сенсационная весть произвела впечатление разорвавшейся бомбы [30, с. 19–20].

Несмотря на это, югославский курс США 1946–1947 гг. оказался продуктивен. При его проведении использовались методы, ставшие основой стратегии информационно-психологической войны против СССР. Хотя саму стратегию приняли в 1948 г., её концептуальные основы были обозначены Кеннаном ещё в 1946 г. Пропаганда западных ценностей и американской мощи, проповедуемая автором «длинной телеграммы», стала одним из «трёх китов» новой внешнеполитической программы Вашингтона наряду с разведывательной деятельностью и проведением секретных операций.

Последнее предусматривало создание за «железным занавесом» армий Сопротивления по типу «лесных братьев» в Прибалтике для проведения диверсий, саботажа, подрывной деятельности и партизанской войны. Такое антисоветское подполье должно было формироваться из оппозиции, лиц, лишённых гражданских прав, разочаровавшихся интеллигентов, эмигрантов и не имеющих гражданства беженцев [35, с. 94–96]. Планировалось, что в Югославии ядром антикоммунистического Сопротивления станут уцелевшие четники. Однако эти планы были во многом утопичны, первая же попытка организовать такое подполье в ФНРЮ провалилась [36, с. 72–73; 35, с. 152–154]. Более того, необходимость столь радикальных мер отпала сама собой после конфликта между Тито и Сталиным и постепенного улучшения отношений Вашингтона и Белграда.

В конечном итоге «информационно-психологическая война» Соединённых Штатов против нового югославского режима, фактически проводившаяся за исключением диверсионной деятельности задолго до официального принятия, сыграла свою роль. Пропаганда вкупе с другими действиями США продемонстрировала возможности Америки не столько югославским народам, сколько руководству страны. После конфликта со Сталиным и превращения Югославии в изгоя международного коммунистического движения Тито стал нуждаться в чьей-либо помощи в противовес СССР. В условиях формирования биполярной конфронтации оказать ему достаточную поддержку могли только Соединённые Штаты. Хотя конфликт Тито со Сталиным произошёл без прямого участия Вашингтона, принятие американской экономической помощи

в 1949 г. стало закономерным результатом предшествующего развития событий. Лишь после смерти Сталина и нормализации советско-югославских отношений перед Тито открылась возможность сделать первые шаги к созданию движения Неприсоединения вне рамок двух конфликтующих военно-политических блоков.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В годы войны Г. Шанц [Harold Shantz] был советником американского посольства при югославском правительстве в Лондоне, Каире и затем в Белграде. В период отсутствия американского посла являлся поверенным в делах США в ФНРЮ. На дипломатической службе с 1921 г. Офицер Управления стратегических служб.

** Переводчик американского посольства Милютин Стефанович [Miliutin Stefanovich] был приговорен к смерти через повешение. Бывший партизанский офицер Зелкьо Сушин [Zelkjo Sushin] и журналист Бранко Йованович [Branko Jovanovich] были приговорены к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 14 января 1947 г. Бывший премьер-министр эмигрантского правительства Милош Трифунович [Milos Trifunovich], бывший служащий дипломатической службы Александр Илич [Alexander Ilich] и инженер Синиша Здракович [Sinisha Zdrakovich] были приговорены к восьми годам тюремного заключения. Журналист Гргур Костич [Grgur Kostich] получил семь лет, а инженер и зять Трифуновича Константин Станкович [Konstantin Stankovich] — четыре.

*** В сводке ТАСС по статье газеты «Борба» Бриз ошибочно назван Диком, хотя в американских источниках он — Уильям [William E. Breese].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВП РФ (Архив внешней политики РФ). Ф. 06. Оп. 8. П. 57. Д. 962. Л. 33–36, 60.
2. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 502. Л. 28.
3. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 502. Л. 47.
4. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 502. Л. 59–60.
5. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 503. Л. 69–71.
6. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 8.
7. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 16.
8. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 17–18, 19, 20, 21, 22, 24.
9. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 44.
10. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 63–66.
11. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 6. П. 11. Д. 19. Л. 28.
12. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 6. П. 11. Д. 19. Л. 163–165.
13. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 6а. П. 9а. Д. 1. Л. 32.
14. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 6а. П. 9а. Д. 1. Л. 50.
15. *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. 312 с.
16. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М.: Звонница-МГ, 2005. 432 с.
17. Война и мир в терминах и определениях / Под ред. Д. О. Рогозина. М.: ПоРог, 2004. 624 с.
18. *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. М.: Наука, 1987. 205 с.
19. Длинная телеграмма Дж. Кеннана // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 140–148.
20. Кеннан Дж. Ф. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. 479 с.
21. *Кеннан Дж. Ф.* Истоки советского поведения // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 12. С. 42–52.
22. *Потехин А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев: Наукова думка, 1991. 138 с.

23. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 128. Д. 94. Л. 338.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 265. Л. 293.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 265. Л. 293об.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1008. Л. 205–214, 215–218, 222–234.
27. Системная история международных отношений: В 4 т. События и документы: 1918–2003 / Под ред. А. Д. Богатурова. Т. 4: Документы. 1945–2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. 598 с.
28. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Авт. и сост. Э. А. Иванян. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.
29. *Byrnes J*. All in One Lifetime. New York: Harper, 1958. 432 p.
30. *Campbell J*. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. New York: Harper & Row, 1967. 180 p.
31. *De Santis H*. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 270 p.
32. FRUS (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers). 1944. Vol. IV: Europe. Washington: U.S. Government Printing Office, 1966. 1473 p.
33. FRUS. 1946. Vol. VI: Eastern Europe; The Soviet Union. Washington: U.S. Government Printing Office, 1946. 993 p.
34. FRUS. 1947. Vol. IV: Eastern Europe; The Soviet Union. Washington: U.S. Government Printing Office, 1972. 887 p.
35. *Grose P*. Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain. Boston; New York: Houghton Mifflin, 2000. 256 p.
36. *Heuser B*. Covert Action within British and American Concepts of Containment, 1948–1951 // British Intelligence, Strategy and the Cold War, 1945–1951 / Ed. by R. J. Aldrich. London: Routledge, 1992. 368 p.
37. *Hixson W*. George F. Kennan: Cold War Iconoclast. New York: Columbia University Press, 1989. 381 p.
38. *Kennan G*. Memoirs: 1925–1950. Boston; Toronto: An Atlantic Monthly Press Book; Little, Brown & Co, 1967. 583 p.
39. *Larson D*. United States Foreign Policy towards Yugoslavia. 1943–1963. Washington: University Press of America, 1979. 380 p.
40. *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca; London: Cornell University Press, 2000. 235 p.
41. *Stephanson A*. Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge; London: Harvard University Press, 1989. 380 p.
42. The New York Times. 1946. Sept. 24.
43. The New York Times. 1946. Dec. 12.
44. The New York Times. 1946. Dec. 18.
45. The State Department Policy Planning Staff Papers, 1947–1949 / Int. by A. K. Nelson. Vol. 2: 1948. New York; London: Garland Publishing, 1983. 529 p.
46. *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford: Stanford University Press, 1975. 508 p.
47. *Weil M*. A Pretty Good Club: The Founding Fathers of the United States Foreign Service. New York: Norton, 1978. 313 p.
48. *X* (*Kennan G. F.*). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. Vol. 25. 1947. № 4. P. 566–582.

REFERENCES

1. AVP RF (Arhiv vneshnej politiki RF). F. 06. Op. 8. P. 57. D. 962. L. 33–36, 60.
2. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 502. L. 28.
3. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 502. L. 47.
4. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 502. L. 59–60.
5. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 503. L. 69–71.
6. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 504. L. 8.

7. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 504. L. 16.
8. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 504. L. 17–18, 19, 20, 21, 22, 24.
9. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 504. L. 44.
10. AVP RF. F. 56. Op. 9. P. 172. D. 504. L. 63–66.
11. AVP RF. F. 144. Op. 6. P. 11. D. 19. L. 28.
12. AVP RF. F. 144. Op. 6. P. 11. D. 19. L. 163–165.
13. AVP RF. F. 144. Op. 6a. P. 9a. D. 1. L. 32.
14. AVP RF. F. 144. Op. 6a. P. 9a. D. 1. L. 50.
15. *Anikeev A. S.* Kak Tito ot Stalina ushjol: Jugoslavija, SSSR i SShA v nachal'nyj period «holodnoj vojny» (1945–1957). M.: In-t slavjanovedenija RAN, 2002. 312 s.
16. Balkanskij uzel, ili Rossija i «jugoslavskij faktor» v kontekste politiki velikih derzhav na Balkanah v XX veke. M.: Zvonnica-MG, 2005. 432 s.
17. Vojna i mir v terminah i opredelenijah / Pod red. D. O. Rogozina. M.: PoRog, 2004. 624 s.
18. Gibianskij L. Ja. Sovetskij Sojuz i novaja Jugoslavija. 1941–1947. M.: Nauka, 1987. 205 s.
19. Dlinnaja telegramma Dzh. Kennana // Mezhdunarodnaja zhizn'. 1990. № 11. S. 140–148.
20. *Kennan Dzh. F.* Diplomatija Vtoroj mirovoj vojny glazami amerikanskogo posla v SSSR Dzhordzha Kennana. M.: Centrpoligraf, 2002. 479 s.
21. *Kennan Dzh. F.* Istoki sovetskogo povedenija // SShA: ekonomika, politika, ideologija. 1989. № 12. S. 42–52.
22. *Potehin A. V.* Diplomatija SShA v Vostochnoj Evrope. 1945–1950 gg. Kiev: Naukova dumka, 1991. 138 s.
23. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii). F. 17. Op. 128. D. 94. L. 338.
24. RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 265. L. 293.
25. RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 265. L. 293ob.
26. RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 1008. L. 205–214, 215–218, 222–234.
27. Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: V 4 t. Sobytija i dokumenty: 1918–2003 / Pod red. A. D. Bogaturova. T. 4: Dokumenty. 1945–2003. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2004. 598 s.
28. Enciklopedija rossijsko-amerikanskih otnoshenij. XVIII–XX veka / Avt. i sost. E. A. Ivanjan. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2001. 696 s.
29. *Byrnes J.* All in One Lifetime. New York: Harper, 1958. 432 p.
30. *Campbell J.* Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. New York: Harper & Row, 1967. 180 p.
31. *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 270 p.
32. FRUS (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers). 1944. Vol. IV: Europe. Washington: U.S. Government Printing Office, 1966. 1473 p.
33. FRUS. 1946. Vol. VI: Eastern Europe; The Soviet Union. Washington: U.S. Government Printing Office, 1946. 993 p.
34. FRUS. 1947. Vol. IV: Eastern Europe; The Soviet Union. Washington: U.S. Government Printing Office, 1972. 887 p.
35. *Grose P.* Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain. Boston; New York: Houghton Mifflin, 2000. 256 p.
36. *Heuser B.* Covert Action within British and American Concepts of Containment, 1948–1951 // British Intelligence, Strategy and the Cold War, 1945–1951 / Ed. by R. J. Aldrich. London: Routledge, 1992. 368 p.
37. *Hixson W.* George F. Kennan: Cold War Iconoclast. New York: Columbia University Press, 1989. 381 p.
38. *Kennan G.* Memoirs: 1925–1950. Boston; Toronto: An Atlantic Monthly Press Book; Little, Brown & Co, 1967. 583 p.
39. *Larson D.* United States Foreign Policy towards Yugoslavia. 1943–1963. Washington: University Press of America, 1979. 380 p.
40. *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca; London: Cornell University Press, 2000. 235 p.

41. *Stephanson A.* Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge; London: Harvard University Press, 1989. 380 p.
42. The New York Times. 1946. Sept. 24.
43. The New York Times. 1946. Dec. 12.
44. The New York Times. 1946. Dec. 18.
45. The State Department Policy Planning Staff Papers, 1947–1949 / Int. by A. K. Nelson. Vol. 2: 1948. New York; London: Garland Publishing, 1983. 529 p.
46. *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford: Stanford University Press, 1975. 508 p.
47. *Weil M.* A Pretty Good Club: The Founding Fathers of the United States Foreign Service. New York: Norton, 1978. 313 p.
48. *X* (*Kennan G. F.*). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. Vol. 25. 1947. № 4. P. 566–582.

С. А. Батурин

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЙ ИЗ АКАДЕМИЧЕСКИХ АРХИВОВ (НА ПРИМЕРЕ ФОНДОВ ЦВРК ИМБТ СО РАН)

Рассматриваются некоторые проблемы идентификации документальных фотографий. На основе анализа и сравнения фотодокументов Российского Государственного архива кинофотофонодокументов и фотографий, опубликованных в журнале «СССР на стройке», идентифицируется ряд фотографий из архива Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. С большой достоверностью удалось определить авторство и время создания фотодокументов из академического архива.

Ключевые слова: идентификация, документальная фотография, комплекс фотодокументов, фоторепортаж.

S. Baturin

IDENTIFICATION OF DOCUMENTARY PHOTOGRAPHS OF ACADEMIC ARCHIVES

Some issues of the identification of documentary photographs are regarded. On the basis of the analysis and comparison of documentary photographs of the Russian State Archive of Visual Documents and Photographs published in the USSR on the Construction Site, a number of photographs from the archive of the Center of Eastern Manuscripts IMBT, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, are identified. With a big extent of precision it was possible to identify the author and the time of the documentary photographs from the academic archive.

Keywords: identification, documentary photograph, complex of documentary photographs, photo report.

В настоящее время фотодокументам как историческому источнику уделяется все больше внимания. Проблема введения в научный оборот фотодокументов, отложившихся в коллекциях, сосредоточенных в архивах, музеях и библиотеках страны, представляется в настоящее время чрезвычайно актуальной, поскольку значительная часть их до сих пор практически не имеет научно-технических описаний и атрибуции и, таким образом, не подготовлена для полноценного использования в исторических и других исследованиях. Это, в свою очередь, ставит целый ряд теоретико-методологи-